

АУГМЕНТАТИВЫ КАК СУФФИКСАЛЬНЫЕ ФОРМЫ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

И. А. Меркулова

Воронежский государственный университет

AUGMENTATIVES AS SUFFIX FORMS OF RUSSIAN NOUNS

I. A. Merkulova

Voronezh State University

Аннотация: в статье анализируются увеличительные формы (аугментативы) русских существительных, отобранные из словарей и Национального корпуса русского языка в аспекте их формообразования. Аугментативные суффиксы не меняют частеречной принадлежности производящего слова, что позволяет считать аугментативы суффиксально маркированными формами существительного. В статье доказывается, что аугментатив – это элемент категории размерности существительного, состоящей из 3 граммем и тесно связанной с категорией экспрессивности (ласкательности, уничижительности) и уменьшительности. Приводится анализ размерных парадигм, выявляются потенциальные формы и обсуждаются случаи дефектности парадигмы, а также обнаруживаются ошибки в разметке аугментативов в НКРЯ, обусловленные исключительно семантическим подходом. Морфологически выраженные аугментативы подразумевают наличие в языке морфологически выраженных диминутивов. Дефектность парадигмы минимальна. Большинство случаев дефектности связаны с отсутствием диминутивных форм. Основная причина дефектности видится в семантике, а точнее в невозможности совместить лексическое значение и грамматическую семантику уменьшительности. Суффикс *-ищ-*, как правило, образует прототипические аугментативы, суффикс *-ин-* чаще используется для образования слов смешанного характера – имеющих как собственно аугментативное, так и оценочное значение. Другие суффиксы немногочисленны и образуют преимущественно экспрессивные формы. Материал также обнаруживает примеры морфемной омонимии суффиксов *-ищ-* и *-ин-*. Аугментативы являются формами, а не новыми словами, а сама категория аугментативности грамматична, так как демонстрирует обязательное наличие форманта у маркированного члена парадигмы. Кроме того, в аугментативах отражаются важнейшие проблемы грамматики: различение морфологии и словообразования, формообразования и словоизменения, а также взаимодействие рационального и эмоционального в языке.

Ключевые слова: аугментатив, формообразование, имя существительное, парадигма, русский язык.

Abstract: the article presents an analysis of augmentative forms (augmentatives) of Russian nouns, selected from dictionaries and the National Corpus of the Russian language in terms of their formation. Augmentative suffixes do not change the part of speech of the generating word. So it allows us to consider augmentatives as suffixally marked forms of a noun. The article proves that the augmentative is an element of the category of noun dimension, consisting of 3 grammemes. And it is closely related to the category of expressiveness and diminutiveness. An analysis of dimensional paradigms is given, potential forms are identified and cases of defectiveness of the paradigm are discussed, as well as errors in the markup of augmentatives in the National Corpus of the Russian language, due solely to the semantic approach. Morphologically expressed augmentatives imply the presence of morphologically expressed diminutives in the language. The defectiveness of the paradigm is minimal. Most cases of defectiveness are associated with the absence of diminutive forms. The main reason for defectiveness is seen in semantics, or rather, in the inability to combine the lexical meaning and grammatical semantics of diminutiveness. As a rule, the suffix *-isch-*, forms prototypical augmentatives. The suffix *-in-* is more often used to form words of a mixed nature – having both augmentative and evaluative meanings. Other suffixes are few and form mostly

expressive forms. The material also reveals examples of morphemic homonymy of the suffixes -isch- and -in-. Augmentatives are forms, not new words, and the category of augmentativity itself is grammatical, as it demonstrates the obligatory presence of a formant in a marked member of the paradigm. In addition, augmentatives reflect the most important problems of grammar: the distinction between morphology and word formation, form formation and inflection, as well as the interaction of the rational and the emotional in the language.

Key words: *augmentative, formation, noun, paradigm, Russian language.*

Введение

Традиционно считается, что словоизменение существительных обеспечивается лишь изменениями их флексий, и морфологическая парадигма существительного есть система флексий.

Суффиксальное словоизменение существительных, на наш взгляд, также существует [1] и выражается в сохранении частеречной принадлежности производящего слова и неизменности синтаксической функции производного: *картина – картинка, лис – лисица, олени – оленята, дом – домик, мама – мамуля* и др.

Среди подобного рода форм выделяются так называемые аугментативы. Этот термин в толковых словарях не представлен. По определению имеющегося в электронной форме словаря-справочника для сопоставительных исследований, составленного Ж. Ж. Варбот и А. Ф. Журавлевым: «Аугментатив (к лат. *augmentum* ‘увеличение’). Слово с аффиксом, придающим значение увеличительности (больший, жарыща, домина)» [https://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf]. Это достаточно общее определение показывает, что, во-первых, суффиксально маркированное аугментативное значение могут иметь не только существительные, но и другие части речи, во-вторых, наблюдается конкуренция аугментативных форм внутри одной части речи, как, например, *дом – домище – домина*.

В истории лингвистики существуют различные трактовки статуса аугментативности. Так, А. А. Шахматов рассматривает значение увеличительности в рамках категории субъективной оценки. В «Синтаксисе частей речи» он пишет: «Эта категория обнаруживается не морфологически... а путем словообразовательных суффиксов, дающих основания различать слова со значением увеличительным, уменьшительным, ласкательным, пренебрежительным» [2, с. 61]. Этот же подход отражен в Русской грамматике [3]. А. Б. Пеньковский считает, что увеличительность выражает количественную оценку, а не субъективное ментальное «увеличение» [4, с. 42]. Аугментативные формы считаются то отдельными лексемами [5, с. 59; 6, с. 155], то формами слова [7, с. 147, 179; 8, с. 143; 9, с. 112].

В лингвистических работах аугментативность в различных языках исследовалась как функционально-семантическая, прагматическая, морфопрагмати-

ческая, словообразовательная категория [10–15], а также как категория, взаимосвязанная с интенсивностью, градуальностью и субъективной оценкой [16–18].

В зарубежной лингвистике есть даже понятие «evaluative morphology» – оценочная морфология. Она включает, в частности, диминутивные и аугментативные морфологические показатели, которые употребляются не только для определения размера, но и при выражении адресантом субъективного отношения к адресату или объекту высказывания [19, с. 6].

Таким образом, проблема аугментативов связана с противоречием в понимании границ морфологии и словообразования, а также с нетождественностью и вместе с тем пересекаемостью категорий размерности и оценочности.

Гипотеза исследования заключается в признании аугментативов членами парадигмы размерности: нормальной (0), меньше нормы (–1) – уменьшительность-диминутивность и больше нормы (+1) – увеличительность-аугментативность. Две привативные оппозиции образуют эквиполентную благодаря наличию общего немаркированного члена.

Целью исследования является анализ аугментативных форм для уточнения определения и статуса аугментатива, а также проверки выдвинутой гипотезы.

Материалы и методы исследования

Семантическая разметка Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ/Корпус) позволяет отыскивать *аугментативы* в разделе «Словообразование» наряду с *диминутивами*, *сингулятивами*, наименованиями деятеля (*nomina agentis*) и *феминитивами* (*nomina feminina*). Очевидно, составители корпуса проводят границу между морфологией и словообразованием по принципу: наличествует суффикс – значит это словообразование. Правда, разметка показывает, что и этот принцип последовательно не выдерживается. Как следствие, позиция НКРЯ относительно границ морфологии и словообразования оказывается противоречивой.

В сравнении с другими группами аугментативы оказываются самыми редкими. Так, в корпусе с *аугментативами* представлено 5875 текстов, 15 908 примеров; с *диминутивами* – 63 559 текстов, 1 743 511 примеров; с *сингулятивами* – 9798 текстов, 35 002 примера.

Корпусное распределение аугментативов по сферам функционирования выглядит следующим образом (рис. 1).

Как видим, наибольшее распространение имеют аугментативы в художественных текстах, далее следует публицистика и учебно-научные тексты. Менее 5 % употреблений характерно для бытовой сферы. Самая низкая встречаемость аугментативов наблюдается в рекламе, очевидно, из-за требований ФЗ «О рекламе» не использовать языковые средства, которые неправомерно возвеличивают качества рекламируемого продукта (товара, услуги). Из недавней рекламы невольно вспоминается «*тарифище*» и «*забугорище*», хотя НКРЯ эту форму пока не зафиксировал.

Среди произведений художественной литературы частотность аугментативов в том или ином жанре представлена на рис. 2.

А среди писателей наибольшее пристрастие к аугментативам имеют В. П. Астафьев, В. Я. Шишков, М. Е. Салтыков-Щедрин.

Результаты исследования и их обсуждение

В НКРЯ было обнаружено 76 существительных, размеченных как аугментативы. Приведем их список в таблице в порядке убывания частотности (табл. 1). Суффиксы, передающие значение аугментативности, выделены.

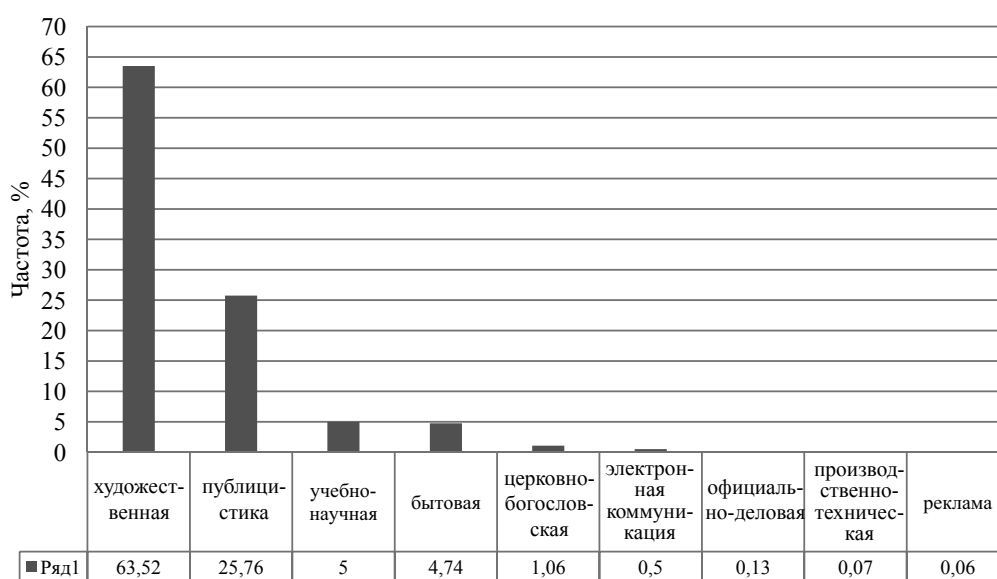

Рис. 1. Частотность аугментативов в зависимости от сферы употребления

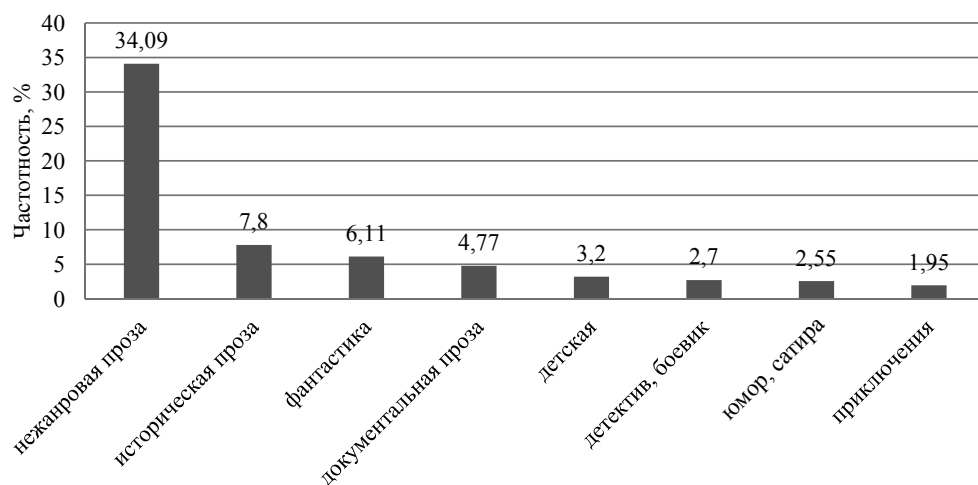

Рис. 2. Частотность аугментативов в жанрах художественной литературы

Т а б л и ц а 1

Частотность аугментативов в НКРЯ

Аугментатив	Доля в НКРЯ, %	Аугментатив	Доля в НКРЯ, %
детище	14,07	чащоба	2,23
полчище	9,62	купчина	1,97
детина	7,07	деваха	1,75
дружище	6,69	кус	1,75
чудище	6,43	домина	1,54
рыбина	6,21	ворюга	1,53
страшилище	3,22	бульга	1,4
ручища	2,97	зверюга	1,38
псища	2,94	лапища	1,34
армада	2,49	бородища	1,26
бабища	1,25	козлище	0,77
кровища	1,23	подлюга	0,75
сонмище	1,19	котяра	0,72
дурища	1,11	старичина	0,67
жарища	1,07	грязища	0,66
винище	0,98	тракторина	0,65
бандюга	0,97	гноище	0,6
ямина	0,95	лепеха	0,58
кадь	0,92	пылища	0,58
кулачище	0,91	идолище	0,55
парнюга	0,4	глазище	0,21
мужичина	0,36	собачища	0,17
книжища	0,34	головища	0,16
жилища	0,33	дырища	0,14
ножища	0,28	чудачина	0,13
мордаха	0,28	рыбища	0,13
толпища	0,27	сапожище	0,11
табачище	0,24	носище	0,11
дымина	0,23	тварюга	0,1
котище	0,22	горища	0,1
томище	0,09	болотище	0,03
ямища	0,09	шеища	0,03
шучина	0,08	бычище	0,01
спинища	0,08	избища	0,01
коровища	0,07	котяга	0,01
глыбища	0,06	крючище	0,01
здоровила	0,06		
косища	0,06		
тучища	0,04		
стервозина	0,03		

Самый употребляемый аугментатив, по данным НКРЯ, слово 'детище'. Согласно дефиниции «Большого толкового словаря»: «ДЕТИЩЕ, -а; мн. род. детищ; ср. 1. Устар. Ребенок, дитя; сын или дочь.

2. О том, что создано собственными трудами и заботами. Больница была его любимым детищем. Прочтите мое последнее д. \diamond *Мертворожденное детище*. О безжизненном, непригодном для осуществления проекте, начинании» [20, с. 255]. Можно сказать, что данное слово приобрело самостоятельное значение ('положительный результат какой-либо деятельности' – созданное = ребенок; созданное усердием, заботами = особый ребенок) и не ассоциируется с аугментативной формой. Можно назвать его *псевдо-аугментативом*, у которого значение увеличительности теряется, а выражение оценки остается.

В НКРЯ среди аугментативов выделяются примеры так называемых безаффиксных образований – *армада, кус, кадь*. Можно ли их считать аугментативами?

АРМАДА, -ы; *ж.* [от исп. armada – флот]. **Большое** соединение кораблей, самолетов или танков, действующих согласованно. *Непобедимая а. Воздушная, танковая а. А. самолетов. // Разг.* О большом количестве, массе кого-, чего-л. *А. зданий. А. саранчи.* [20, с. 46]. Как видим, в дефиниции (лексическом значении) этого слова содержится семантический признак увеличительности. Слово целиком заимствовано из испанского языка. В 1588 г. испанский король Филипп II, находясь в состоянии войны с Англией, снарядил флот более чем из 100 единиц гребных и парусных судов, намереваясь нанести окончательный удар по противнику. Крупное соединение боевых кораблей получило название «непобедимая армада». Однако планам Филиппа не суждено было сбыться, и словосочетание «непобедимая армада» стало употребляться с ироническим подтекстом. Так говорят не только о войсках, проигравших сражение, но и об объединениях людей, заявивших о своих грандиозных намерениях и не сумевших справиться с поставленными задачами.

По данным «Большого академического словаря»: «**КУС**... 1. Устар. и прост. То же, что кусок (в 1 знач.)». [21, т. 8, с. 818]. «**КУСОК**... 1. Отделенная, отломленная, отбитая и т. п. {исходно – откушенная} часть чего-л.». **КУСИЩЕ**... *Разг.* Увелич. к кусок (к 1 знач.)» [Там же, т. 8, с. 820]. Как известно, диминутивы регулярно развивают эмоциональное – «ласкательное» значение, которое, как и все эмоции, со временем стирается, делая диминутив тождественным его производящему и таким же немаркированным членом парадигмы. Как следствие – возникает новый (*отдиминутивный*) диминутив – «**КУСОЧЕК**... *Разг.* Уменьш.-ласкат. к кусок.» [Там же, т. 8, с. 822].

Таким образом, отнесение слова *кус* к аугментативам в НКРЯ является очевидной ошибкой, подлежащей исправлению.

Столь же ошибочно отнесение к аугментативам слова «**КАДЬ**... *Устар.* 1. Большая кадка» [21, т. 7,

с. 535]. Слово КАДКА утратило значение диминутивности и фактически вытеснило с позиции немаркированного члена парадигмы слово КАДЬ, о чем свидетельствует слово «КАДОЧКА. Разг. Уменьш-ласкат к кадка» [21, т. 7, с. 531], а также отождествление слов *кадка* и *кадь* в дефиниции: «КАДА, кадь, -ды, – **кадка, кадь**» [22, т. 2, с. 146].

Отсутствие слов КАДИНА, КАДИЩА в некоторых словарях – не доказательство их отсутствия в языке: «КАДЬ ж. **кадина, кадища**, кадовь, чан, оброчная посуда в виде обреза, пересека, полубочья весьма большого объема» [23]. «Кадку (множественное число *кадки*) по-другому называют кадь, **кадина, кадища**, кадовь, кадово, оков, кладь, а маленькую по размеру кадку называют кадоочка, кадушка, кадца, кадуля и кадушек» [Кадка – Википедия (wikipedia.org)]; засвидетельствованность форм **Кадище** и **Кадчища** в [24, вып. 9, с. 191] доказывает немаркированность слов *кадь* и *кадка*, соответственно. Кстати, следует всячески приветствовать решение, принятое составителями «Словаря русского языка XVIII века» давать формы диминутивов и аугментативов в одной словарной статье с немаркированным («нормальным») членом размерно-эмоциональной парадигмы, что свидетельствует о признании ими принадлежности аугментативно-диминутивной парадигмы морфологии, а не словообразованию или лексике.

Прокомментируем еще некоторые примеры из корпуса.

Ворюга, зверюга, бандюга, подлюга, парнюга, тварюга образуются с помощью суффикса –УГ (-ЮГ), который многофункционален. С одной стороны, он имеет значение усиления негативной характеристики, обозначенной производящим словом в целях экспрессивности *вор-ворюга, зверь-зверюга, парень-парнюга, тварь-тварюга*. С другой стороны, суффикс -юг образует существительное от прилагательного, являясь своеобразным компрессивом: *подлый (человек) – подлюга* и сниженное разговорное *подлюка, человек банды* (форма прилагательного в узусе не встречается) – *бандюга* и разговорное *бандюк*. Основы слов *банда* и *бандит* целиком заимствованы из итальянского языка, и никогда не были в отношениях производности в русской словообразовательной системе.

Формы *мордаха, деваха, чащоба* вряд ли можно считать собственно аугментативными. Примеры употребления из НКРЯ подтверждают это: *В любом случае, перед чисткой надо мордаху распарить* [Красота, здоровье, отдых: Косметика и парфюм (форум) (2004)]. *Но слава – деваха чуткая, скрытую силу и непоказное, неброское достоинство за тысячи верст чует* [Анатолий Полищук. Энциклопедия Большого Сома // Дальний Восток, 2019]. *Было слегка жутковато пробираться сквозь чащобу, где время, казалось, стояло на одном месте, попав в тиски хвойных гигантов* [Роман Романов. Вот сатиньо, или Пилигримуши на Пути Святого Иакова // Дальний Восток, 2019].

Отнесение лексемы *булыга* к аугментативам также не бесспорно. В словаре В. И. Даля находим: «**БУЛЫГА** ж. булдыга, дубина, суковатая палка. | Крупный окатыш, валун, булыжный камень, иногда большой обломок, округленный природою, водою. | **Олон*. болван, дубина, грубый неотесанный человек; невежа, неуч. **Булыжка** *умалит. твер.* простень, початок, веретено с пряжею на нем. **Булыжник** м. одиночн. и собирает. булыжный камень, кругляши, окатыши, валуны средней величины, употребляемые напр. для мощения улиц. *Наскочила подковка на булыжник. У него кулак, ровно булыжник. Булыжный*, относящийся к этому камню; из него сделанный. **Булыжнощебенный**, сделанный из битого, дикого камня [23]. Таким образом, *булыга* – нейтральное, имеющее диминутив *булыжка*, который приобретает в диалектах значение орудия труда (веретена). В современном русском языке для обозначения камня используется слово *булыжник* ← *булыжный камень*.

И наконец, *здоровила* – рослый, здоровый, сильный человек образовано от прилагательного *здоровый* и формой слова не является.

Дополним количество аугментативов из НКРЯ примерами из других словарей (Малый академический словарь под ред. А. П. Евгеньевой (МАС-3), «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «Словарь русских народных говоров») и выстроим размерные парадигмы существительных (табл. 2). При этом маркером аугментативности считается наличие в дефиниции оборота «увелич. к...» или суффикса –ИЩ в лемме.

Т а б л и ц а 2

Размерные парадигмы русских существительных

№ п/п	Аугментатив с -ИЩ	Норма	Диминутив
1	2	3	4
1	Бабища	Баба	Бабочка, бабонька
2	Банчища	Баня	Банька
3	Болотище	Болото	Болотце

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
4	Бородища	Борода	Бородка
5	Боронища	Борона	Боронка
6	Ботвища	Ботва	
7	Бычище	Бык	Бычок
8	Ведьмища	Ведьма	Ведьмочка
9	Винище	Вино	Винцо
10	Водища	Вода	Водичка
11	Волнища	Волна	Волночка, волнишка
12	Вонища	Вонь	
13	Воротища	Ворога	Воротца
14	Гармонища	Гармонь	Гармонька
15	Глазище	Глаз	Глазик, глазок
16	Глинища	Глина	Глинка
17	Глыбища	Глыба	Глыбка
18	Гноище	Гной	
19	Головища	Голова	Головка
20	Голосище	Голос	Голосок
21	Горища	Гора	Горка
22	Городище	Город	Городок
23	Грязища, грязюка	Грязь	Грязца
24	Грудища	Груди	Грудки
25	Гульбища	Гульба	Гульбишка
26	Днище	Дно	Донце
27	Домина, домище	Дом	Доминок, домишко
28	Дровища	Дрова	Дровцы/дровишки
29	Дружище	Друг	Дружок
30	Дрянища	Дрянь	Дрянца, Дрянцо
31	Дымина, дымище	Дым	Дымок
32	Дубинища	Дубина	Дубинка
33	Дурища	Дура	Дурка, дурочка
34	Духотища	Духота	
35	Дырища	Дыра	Дырка
36	Дюжинища	Дюжина	Дюжинка
37	Ёлчища	Ель = Ёлка	Ёлочка
38	Жарища, жарюка	Жара	
39	Идолище	Идол	Идолишка
40	Избища	Изба	Избенка
41	Книжища	Книга – Книжка	Книжечка
42	Козлище	Козёл	Козлик
43	Колдуньища	Колдунья	Колдунька
44	Колодища	Колода	Колодка
45	Корзинища	Корзина	Корзинка
46	Коровища	Корова	Коровка
47	Косища	Коса	Косичка
48	Котище, котяга, котяра	Кот	Котик
49	Кошища	Коша – Кошка	Кошечка
50	Кровища	Кровь	Кровка
51	Крючище	Крюк	Крючок

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
52	Кулачище	Кулак	Кулачок
53	Кучища	Куча	Кучка
54	Лапища	Лапа	Лапка
55	Лаптищи	Лапти	Лапотки
56	Лепёшища	Лепеха	Лепёшка
57	Лозинища	Лозина	Лозинка
58	Межища	Межа	Межка
59	Морозище	Мороз	Морозец
60	Мочища	Моча	Мочишка
61	Муравьище	Муравей	Муравейка
62	Мужичище	Мужик	Мужичок
63	Неволища	Неволя	Неволька
64	Ножища	Нога	Ножка
65	Носище	Нос	Носик, носок
66	Обжорища	Обжора	Обжорка
67	Песнища	Песня	Песенка
68	Плаксища	Плакса	Плаксочка
69	Пнище	Пень = Пенёк	Пенёчек
70	Погодища	Погода	Погодка
71	Полчище	Полк	Полчишко
72	Поляни(чи)ща	Поляна	Полянка
73	Полени(чи)ще	Полено	Поленце
74	Простынища	Простыня	Простынка
75	Печища	Печь	Печка
76	Пылища	Пыль	Пыльца
77	Ранища	Рана	Ранка
78	Ранище	Рань	Раньце
79	Ротище	Рот	Ротик
80	Ручища	Рука = Ручка	Ручечка
81	Рыбина, рыбища	Рыба	Рыбка
82	Сапожище	Сапог	Сапोजок
83	Селище	Село	Сельцо
84	Силища	Сила	Силка
85	Склянища	Склянка	Скляночка
86	Скучища, скукота	Скука	
87	Слонище	Слон	Слоник
88	Собачища	Собака	Собачка > Собачечка
89	Сомина, сомище	Сом	Сомик
90	Сонмище	Сонм	
91	Спинища	Спина = Спинка	Спиночка
92	Старичина, старичище	Старик	Старичок
93	Страшилище	Страшила = Страшилка	Страшилочка
94	Стожище	Стог	Стожок
95	Столище	Стол	Столик
96	Сугробина, сугробище	Сугроб	Сугробик
97	Сынище	Сын	Сынок > Сыночек
98	Табачище	Табак	Табачок

Окончание табл. 2

1	2	3	4
99	Толпища	Толпа	
100	Томище	Том	Томик
101	Топорище	Топор	Топорик
102	Тощища	Тоска	
103	Травища	Трава	Травка > Травочка
104	Тракторина, тракторище	Трактор	Тракторок
105	Тучища	Туча	Тучка
106	Уймища	Уйма	Уймочка
107	Умище	Ум	Умок
108	Утища	УТЯ = Утка	Уточка
109	Утробища	Утроба	Утробка > Утробочка
110	Хвостище	Хвост	Хвостик
111	Холодища, холодина	Холод	Холодок > Холодочек
112	Человечище	Человек	Человечек
113	Чудачина	Чудак	Чудачок
114	Чудище	Чудо	Чудишко
115	Шеища	Шея	Шейка
116	Щучина	Щука	Щучка
117	Ямина, ямища	Яма	Ямка
	Аугментатив с -ИН	Норма	Диминутив
1	Детина	Дитя	Дитятко(а)
2	Купчина	Купец	Купчишка
3	Псина	Пёс	Пёсик
4	Русачина	Русак	Русочок
5	Стволина	Ствол	Стволик
6	Стервозина	Стерва	Стервочка
	Аугментатив с -УГ(-ЮГ)	Норма	Диминутив
1	Тварюга	Тварь	Тварюшка
2	Ворюга	Вор	*Вориха > Воришка
3	Зверюга	Зверь	Зверек
4	Парнюга, парняга	Парень	Паренёк
	Аугментатив с -АХ(а)	Норма	Диминутив
1	Деваха	Дева = Девка	Девочка
2	Мордаха, мордища	Морда = *Мордка	Мордочка

Среди аффиксальных аугментативных образований наибольшую продуктивность демонстрируют производные с суффиксом *-ИЩ*. Это основной аугментатор, который может присоединяться к словам с конкретной и вещественной семантикой, обозначая большой размер (*косища, горища, котище, ножища, книжища* и др.), большое количество (*пылища, гноище, грязища, кровища* и др.), большую интенсивность (*жарища*), большую экспрессивность (*бабища, дурища*).

Единичные примеры аугментативов в русском языке имеют другие суффиксы: *-ин-, -уг-(-юг), -ар(-яр-), -ех-, -ах-, -об-, -юк*, которые, как правило, об-

разуются и используются параллельно (*котище – котяра, мордища – мордаха, домище – домина, холодища – холодина, сугробище – сугробина, старичище – старичина, сомище – сомина, тракторище – тракторина, грязища – грязюка, парнище – парнюга*), обеспечивая дополнительную экспрессивность. Можно предположить, что потенциально в системе существуют и *купчище, стволище, русачище, стервозище, ворище, зверище*, оказавшиеся менее востребованными в узусе.

Эти нечастотные суффиксы позволяют выявить необычные формы – отаугментативный диминутив – *мордаха – мордашка, тварюга – тварюшка, зверюга –*

зверушка, когда от увеличительной формы образуется уменьшительная, очевидно, в экспрессивных целях.

Материал также обнаруживает примеры морфемной омонимии. Например, в лексеме *рыбина* -ИИ может быть показателем сингулятивности (...*в среднем по 2 мертвые рыбыны...*) и увеличительности (*огромные рыбыны плавают...*). В силу этого предпочтительнее пара *рыба – рыбаца*, где значение аугментативности является бесспорным.

Суффикс -ИЩ также отличается омонимией. Кроме значения увеличительности, имеет семантику локативности, обозначая 'место, где делают названное производящим словом' (*кострище, косовище, лежбище, логовище, молотовище, огнище, стрельбище*). Так, *гноище* может обозначать «навозную кучу или место, наполненное нечистотами» [24, вып. 5, с. 144] и большое количество гноя: «*Эта жена героически приехала, остановившимся взглядом посмотрела на то, что видеть человеку нельзя, эту квартиру и гноище на тахте, эти глаза, скелет у телефона, смотрящий виновато, без воды и еды, эту тряпкой закутанную единственную ногу, причем температура уже ползла и ползла вверх*» [Людмила Петрушевская. *Борьба и победа* (1998–1999), пример из НКРЯ]. *Гульбище* по словарю [Там же, вып. 6, с. 11] имеет значение «место для гуляния» и «публичное гулянье»; отдельной словарной статьей дается *гульба*: «1. То же, что гулянье... 2. Забавы, веселье, попойки (чаще с оттенком неодобрения)». НКРЯ фиксирует второе значение с оттенком усиления: *А в будке нашей уж гульбище вовсю идет* [Алексей Моторов. *Преступление доктора Паровозова* (2013), пример из НКРЯ].

В ряду увеличительных форм зачастую встречается более одного варианта аугментатива. Например, *рыба – рыбаца – рыбаца, голос – голосище – голосина, дом – домище – домина, дым – дымище – дымина* и под. Это свидетельствует о тесной связи увеличительности и экспрессивности, которая, как известно, быстро «снашивается» и требует постоянного обновления. «И тут возникает соблазн продолжить мысль К. С. Аксакова следующим образом: если “милому свойственно быть малым”, то “немилое, неприятное склонно быть большим, преувеличенным”» [25, с. 32].

По поводу данных значений Н. В. Перцов отмечает: «Например, является ли набор значений (дими́нүтив, аугментатив) обязательными для пар словоформ *домик-домище, слоник-слонище, лапка-лапища* и т. п.? Строго говоря, является. Тогда хотелось бы исключить класс словоформ, входящих в такие пары, из числа тех, к которым вообще приложимо понятие обязательности соответствующей категории (чтобы не было соблазна счесть указанные значения словоизменительными)» [26, с. 73]. Логика этого рассуждения удивительна: 1) выбор диминутива-аугментатива или немаркированной нейтральной формы

«строго говоря, обязателен»; 2) из этого автоматически следует «соблазн» (т. е. строгая логическая необходимость) признать эти формы словоизменительными; 3) но делать этого «не хотелось бы», а «хотелось бы исключить» их из обязательных. Получается: если нельзя, но очень хочется («исключить»), то можно. Желание исследователя оказывается превыше логики и показаний языка. И еще возникает вопрос, почему обязательность выбора только для пар словоформ? Скорее они выстраиваются в парадигму *домик-дом-домище*. Надо выбрать одно из трех. Этот выбор обязателен и, следовательно, грамматичен.

По мнению А. Л. Шарандина, в системе существительного имеется такая категория, как «способы представления субстанции (предмета) – это неграмматическая формообразовательная категория словообразовательно-модификационного типа, выражающая отношение к количественному ракурсу восприятия субстанции (предмета) и представленная противопоставлением рядов словообразовательных форм с морфемно характеризованными значениями собирательности, сингулятивности, увеличительности, уменьшительности» [27, с. 67–68]. С этим трудно согласиться, так как в глаголах формы времени передаются суффиксами =Л и =Е/О, при этом никто не говорит, что время – «неграмматическая формообразовательная категория словообразовательно-модификационного типа». Модификация – это не словообразование, а морфология. К модификационному словообразованию можно было бы отнести частеречную модификацию слов, а к мутационному – компрессивное словообразование, сопровождающееся и синтаксической модификацией производящей основы (*зачетная книжка – зачётка, газированная вода – газировка, удаленная работа – удалёнка*). Словообразование позволяет придавать лексической семантике разные синтаксические функции и, следовательно, изменяет парадигму производящего слова. Внутри-частеречные аффиксальные образования маркируют грамматические категории и относятся к аффиксальному грамматическому формообразованию.

Что касается собирательности и единичности, то они также являются членами формообразовательной парадигмы, значения которой передаются аффиксами, но это другая парадигма, которую не следует смешивать с увеличительностью-уменьшительностью.

Из табл. 2 видно, что 11 ячеек остались не заполненными, а некоторые ячейки заполнены с избытком. В лингвистике такое явление получило название дефектности парадигмы, которая возникает при отсутствии изоморфизма между формой и содержанием. Большинство исследователей отождествляют дефектность и неполноту, но некоторые предлагают расширенное понимание. Например, Л. Н. Дешеулина

считает, что «под дефектной следует понимать такую парадигму, в которой набор представленных у некоторой лексемы способов выражения грамматических значений не совпадает с “ожидаемым” набором, т. е. имеет любые отклонения от традиционной для русского языка матрицы форм и значений» [28, с. 40]. В случае избыточности также наблюдается отклонение от нормального (аддитивного) состояния: для выражения одного значения используются две формы с разными аффиксами. И это тоже можно считать дефектностью.

Как видим, большинство случаев дефектности в нашем материале традиционны и связаны с отсутствием диминутивных форм: *ботвища* – *ботва*, *вопища* – *вонь*, *гноища* – *гной*, *духотища* – *духота*, *жарища* – *жара*, *скучища* – *скука*, *сонмища* – *сонм*, *толпища* – *толпа*, *тощища* – *тоска*. Основная причина дефектности здесь видится в семантике, а точнее в невозможности совместить лексическое значение и грамматическую семантику уменьшительности. *Ботва*, *толпа*, *сонм* имеют оттенок собирательности в своей семантике. *Вонь*, *духота*, *жара* – сильное проявление указанного качества (пахнущий, душный, теплый), которое можно еще более усилить, но невозможно представить как уменьшительное и тем более ласкательное. *Скука*, *тоска* – абстрактные понятия, характеризующие отрицательно воспринимаемые качества и состояния.

Таким образом, в размерной парадигме русских существительных сочетаются несколько значений: аугментативность – это не только увеличительность, но и усиление, а диминутивность – не только уменьшительность, но и ласкательность и пренебрежительность.

Заключение

Предлагаем уточнить определение аугментатива: *Аугментатив* – это субстантивная форма существительного с субъективно-оценочным значением увеличительности и усилительности, являющаяся элементом суффиксально маркированной категории размерности, представленной нормальной, уменьшительной и увеличительной формами.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги.

1. Формообразование суффиксально, как словообразование, и грамматично (морфологично), как словоизменение. Иными словами, формообразование от словоизменения отличается только грамматический способ: суффикс, а не флексия; а объединяет – обязательность выражения (нулевым или маркированным членом категории).

2. Аугментатив – это элемент категории размерности существительного, тесно связанной с категорией экспрессивности и уменьшительности и состоящей из 3 граммем. Можно сказать, что в одном

случае используется шкала «больше – норма – меньше», во втором случае – «хорошо – нейтрально – плохо».

3. Морфологически выраженные аугментативы подразумевают наличие в языке морфологически выраженных диминутивов. Дефектность парадигмы минимальна.

4. Суффикс *-ищ-*, как правило, образует прототипические аугментативы, т. е. такие, где собственно аугментативное значение превалирует над экспрессивным, за исключением омонимии с локативным *-ищ-* типа *стрельбище*, *кострище*. Суффикс *-ин-* с большой вероятностью используется для образования слов смешанного характера – имеющих как собственно аугментативное, так и оценочное значение. Другие суффиксы немногочисленны и образуют преимущественно экспрессивные формы.

Аугментативные суффиксы не меняют частеречной принадлежности производящего слова, что позволяет считать аугментативы суффиксально маркированными формами существительного. Аугментативы являются формами, а не новыми словами, а сама категория аугментативности грамматична, так как демонстрирует обязательное наличие форманта у маркированного члена парадигмы.

Кроме того, в аугментативах, как солнце в капле воды, отражаются важнейшие проблемы грамматики: различение морфологии и словообразования, формообразования и словоизменения, а также взаимодействие рационального и эмоционального в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меркулова И. А. Аффиксальное формообразование русского имени // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 143–153.
2. Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи) / ред. Н. М. Шанский. М. : УЧПЕДГИЗ, 1952. 273 с.
3. РГ – Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой [и др.]. М. : Наука, 1980. Т. 1: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. 789 с.
4. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 464 с.
5. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. М. : Тип. Л. Степановой, 1860. Ч. 1, вып. 1. 195 с.
6. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение : общий курс. 1901–1902 гг. // Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды. М. : Учпедгиз, 1956. Т. 1. С. 21–197.
7. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2. Отд-ние 1. Об именах существительных. СПб. : Тип. Импер. АН, 1850. XIV. 353 с.
8. Буслев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М. : Тип. Т. Рис, 1881. 276 с.

9. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М. : Высш. шк., 1972. С. 77–317.
10. Dressler W. U., Barbaresi L. M. *Morphopragmatics: diminutives and intensifiers in Italian, German and other languages*. Berlin, 1994. 682 p.
11. Schneider K. P. *Diminutives in English*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2003. 266 p.
12. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : КомКнига, 2006. 280 с.
13. Курилова С. Н. Аугментативность как аффиксально маркированная категория частей речи в юкагирском языке (на материале языка тундровых юкагигов) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 88–101.
14. Резниченко Л. Ю. Специфика диминутивных номинаций лица (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2009. № 5. С. 70–89.
15. Телия В. Н. О различии рациональной и эмотивной / эмоциональной оценки // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. М. : Институт языкознания РАН, 1996. С. 31–38.
16. Vyessonova O. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community // *The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries: Collective monograph / edited by Maja JakimovskaToshikj, Katarina Žeñuchová*. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. Pp. 259–284.
17. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М. : Высш. шк., 1990. 173 с.
18. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис, 2008. 416 с.
19. Grandi N. Renewal and innovation in the emergence of Indo-European evaluative morphology // *Diminutives and Augmentatives in the Languages of the World*. Lexis 6. 2011. Pp. 5–25. URL: <http://lexis.univ-lyon3.fr/spip.php?article168>
20. БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2004. 1536 с.
21. БАС-3 – Большой академический словарь русского языка : [более 150 000 слов русского языка его классического (XIX в.) и нового (XX–XXI вв.) периодов] / [гл. ред. 1–9 т. К. С. Горбачевич, научный координатор 10–12 т. и гл. ред. 13–23 т. А. С. Герд]; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. М. ; СПб. : Наука, 2004– .
22. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург : Оренбургское книжное издательство, 2002–2003.
23. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: https://librebook.me/tolkovyj_slovar_jivogo_velikorusskogo_jazyka/vol1/2
24. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6 ; СПб. : Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992–... – Вып. 7–...
25. Химик В. В. Феномен гиперболических оценок в русском модификационном словообразовании // *Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. трудов / под ред. С. С. Ваулиной, В. И. Грешных*. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. Ч. 2. С. 31–38.
26. Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М. : Языки русской культуры, 2001. 280 с.
27. Шарандин А. Л. Общие вопросы русской морфологии. Теоретические основы и практикум : учеб. пособие. Тамбов : Державинский, 2020. 164 с.
28. Дешеулина Л. Н. Дефектная парадигма и причины ее появления // *Мир русского слова*. 2008. № 3. С. 37–40.

REFERENCES

1. Merkulova I. A. Affixation derivation of Russian nouns. In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2021. No. 2. Pp. 143–153.
2. Iz trudov A. A. *SHakhmatova po sovremennomu russkomu yazyku (uchenie o chastyakh rechi)*. Red. N. M. SHanskij. M.: UCHPEDGIZ, 1952. 273 p.
3. RG – Russkaya grammatika. Pod red. N. YU. SHvedovoj, N. D. Arutyunovoj, A. V. Bondarko i dr. M.: Nauka, 1980. 789 p. T. 1: Fonetika, fonologiya, udarenie, intonatsiya, slovoobrazovanie, morfologiya.
4. Pen'kovskij A. B. *Oчерки по русской семантике [Essays on Russian semantics]*. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 464 p.
5. Aksakov K. S. *Opyt russkoj grammatiki [Essays on Russian Grammar]*. M.: Tip. L. Stepanovoj, 1860. CH. 1, vyp. 1. 195 p.
6. Fortunatov F. F. *Sravnitel'noe yazykovedenie: Obshhij kurs [Comparative Linguistics: general course] 1901–1902 gg.* In: *Fortunatov F. F. Izbr. Tr. [Selected works]*. M.: Uchpedgiz, 1956. T. 1. Pp. 21–197.
7. Pavskij G. P. *Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazyka [Philological observations on the composition of the Russian language]*. Rassuzhdenie 2. Otd-nie 1. Ob imenakh sushhestvitel'nykh. SPb.: Tip. Imper. AN, 1850. XIV. 353 p.
8. Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of the Russian language]*. M.: Tip. T. Ris, 1881. 276 p.
9. Vinogradov V. V. *Russkij yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language. Grammatical teaching about the word]*. M.: Vyssh. shk., 1972. Pp. 77–317.
10. Dressler W. U., Barbaresi L. M. *Morphopragmatics: diminutives and intensifiers in Italian, German and other languages*. Berlin, 1994. 682 p.
11. Schneider K. P. *Diminutives in English*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2003. 266 p.
12. Vol'f E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki [Functional semantics of evaluation]*. Moskva: KomKniga, 2006. 280 p.

13. Kurilova S. N. Augmentativnost' kak affiksial'no markirovannaya kategoriya chastej rechi v yukagirskom yazyke (na materiale yazyka tundrovykh yukagirov) [Augmentativeness as an affixally marked category of parts of speech in the Yukaghir language (based on the material of the Tundra Yukaghir language)]. In: *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2018. T. 16, No. 3. Pp. 88–101.
14. Reznichenko L. YU. Spetsifika diminutivnykh nominatsij litsa (na materiale anglijskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) [The specifics of diminutive face nominations (based on the material of English, German and Russian)]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. 2009. No. 5. Pp. 70–89.
15. Teliya V. N. O razlichii ratsional'noj i ehmotivnoj / ehmotional'noj otsenki [On the difference between rational and emotive / emotional evaluation]. In: *Funktsional'naya semantika: Otsenka, ehkspressivnost', modal'nost'* [Functional semantics: Evaluation, expressiveness, modality]. Moskva: Institut yazykoznanija RAN, 1996. Pp. 31–38.
16. Byessonova O. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community. In: *The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries: Collective monograph*. Edited by Maja JakimovskaToshikj, Katarina Žeňuchová. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. Pp. 259–284.
17. Turanskij I. I. *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v anglijskom yazyke* [Semantic category of intensity in the English language]. Moskva: Vyssh. shk., 1990. 173 p.
18. SHakhovskij V. I. *Lingvisticheskaya teoriya ehmot-sij* [Linguistic theory of emotions]. Moskva: Gnozis, 2008. 416 p.
19. Grandi N. Renewal and innovation in the emergence of Indo-European evaluative morphology. In: *Diminutives and Augmentatives in the Languages of the World. Lexis 6*. 2011. Pp. 5–25. Available at: <http://lexis.univ-lyon3.fr/spip.php?article168>
20. BTS – Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2004. 1536 p.
21. BAS-3 – Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka : [bolee 150 000 slov russkogo yazyka ego klassicheskogo (XIX v.) i novogo (XX–XXI vv.) periodov]. [gl. red. 1–9 t. K. S. Gorbachevich, nauchnyj koordinator 10–12 t. i gl. red. 13–23 t. A. S. Gerd]; Ros. akad. nauk, In-t lingv. issled. Moskva ; Sankt-Peterburg : Nauka, 2004–.
22. Malecha N. M. Slovar' govorov ural'skikh (yaitskikh) kazakov. V 4 tomakh. Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002–2003.
23. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Available at: https://librebook.me/tolkovyi_slovar_jivogo_velikorusskogo_iazyka/vol1/2
24. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. AN SSSR. In-t rus. yaz.; Gl. red.: YU. S. Sorokin. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1984–1991. Vyp. 1–6 ; SPb.: Nauka. S.-Peterb. otd-nie, 1992–... – Vyp. 7–...
25. KHimik V. V. Fenomen giperbolicheskikh otsenok v russkom modifikatsionnom slovoobrazovanii [Phenomenon of hyperbolic evaluations in Russian modification word formation]. In: *Otsenki i tsennosti v sovremennom nauchnom poznanii* [Evaluation and values in modern scientific cognition]: sb. nauch. tr. Pod red. S. S. Vaulinoj, V. I. Greshnykh. CH. 2. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2009. Pp. 31–38.
26. Pertsov N. V. Invarianty v russkom slovoizmenenii [Invariants in Russian inflection]. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 2001. 280 p.
27. SHarandin A. L. Obshhie voprosy russkoj morfologii. Teoreticheskie osnovy i praktikum: uchebnoe posobie [General questions of Russian morphology. Theoretical foundations and practical training]. Tambov: Derzhavinskij, 2020. 164 p.
28. Desheulina L. N. Defektnaya paradigma i prichiny ee poyavleniya [Defective paradigm and the reasons for its appearance]. In: *Mir russkogo slova*. 2008. No. 3. Pp. 37–40.

Воронежский государственный университет
Меркулова И. А., доктор филологических наук, доцент
кафедры теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: igell@yandex.ru

Поступила в редакцию 27 июля 2023 г.
Принята к публикации 26 сентября 2023 г.

Для цитирования:

Меркулова И. А. Аугментативы как суффиксальные формы русских существительных // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 114–125. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/114-125>

Voronezh State University
Merkulova I. A., Doctor of Philology, Associate
Professor of the Theoretical and Applied Linguistics
Department
E-mail: igell@yandex.ru

Received: 27 July 2023
Accepted: 26 September 2023

For citation:

Merkulova I. A. Augmentatives as suffix forms of Russian nouns. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. No. 4. Pp. 114–125. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/114-125>